Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет»

Юридический институт Кафедра «Государственно-правовые дисциплины»
(наименование)

Направление подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»
(код и наименование)

Магистерская программа «Юрист в органах публичной власти и управления»
(наименование)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ
на тему

Нормативно-правовое регулирование прав человека и гражданина в цифровом пространстве

Студентка 23ЗЮЮОМ1 _____ Казенкина Анастасия Александровна
номер группы подпись, дата фамилия, имя, отчество полностью

Научный руководитель к.ю.н., доцент каф. «ГПД» _____ Данилова В.А.
должность подпись, дата фамилия, инициалы

Консультанты:

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность подпись, дата фамилия, инициалы

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность подпись, дата фамилия, инициалы

по _____ _____ _____
наименование раздела, звание, должность подпись, дата фамилия, инициалы

Нормоконтролер: к.ю.н., доцент каф. «ГПД» _____ Елистратова О.В.
должность подпись, дата фамилия, инициалы

Рецензент: адвокат региональной коллегии адвокатов «Правовед» _____ Пузенцов К.В.
должность подпись, дата фамилия, инициалы

Работа допущена к защите в (протокол заседания кафедры от _._ __ 20__ № _._)
Заведующий кафедрой «ГПД» _____ Суменков С.Ю.
название подпись, дата фамилия, инициалы

Работа защищена с оценкой _____ ___(Протокол от ___ _____ 20__ г. №_._)
Секретарь ГЭК _____ Антипкина Е.Г.
подпись, дата фамилия, инициалы

Пенза 2026 г.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Юридический институт

Направление «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой «Правосудие»

_____/Суменков С.Ю./

__ _____20 г.

ЗАДАНИЕ

на выпускную квалификационную работу студентки гр.№ 22ЗЮЮОм1

Казенкиной Анастасии Александровны

1. Тема работы: Нормативно-правовое регулирование прав человека и гражданина в цифровом пространстве

2. Научный руководитель: к.ю.н, доцент кафедры «ГПД» Данилова В.А.

3. Дата выдачи задания: 24.11.2023 г**.**

4. Срок сдачи студентом законченной работы: 12.01.2026 г**.**

5. Перечень подлежащих разработке вопросов:

- проанализировать цифровое пространство как новую сферу реализации прав и свобод и определить концептуальные подходы;
- выявить влияние цифровых технологий на содержание и гарантии основных прав;
- изучить систему источников правового регулирования: национальный и международный уровни;
- определить ключевые правовые проблемы и коллизии в цифровой сфере;
- изучить контроль деятельности арбитража как гарантия государственной защиты конституционных прав и свобод субъектов предпринимательства;
- рассмотреть развитие процессуальных и институциональных гарантий;
- охарактеризовать концептуальные предложения по модернизации законодательства и правоприменительной практики.

6. Консультанты по работе, с указанием относящихся к ним разделов работы

Раздел	Консультант	Подпись, дата	
		Задание выдал	**Выполненное задание принял**
Введение		24 ноября 2023 г. Данилова В.А.	15 января 2024 г. Данилова В.А.
Теоретико-правовые основы регулирования прав человека в цифровую эпоху		15 декабря 2024 г. Данилова В.А.	30 апреля 2025 г. Данилова В.А.
Современное состояние и коллизии нормативно-правового регулирования в цифровой сфере		30 апреля 2025 г. Данилова В.А.	9 сентября 2025 г. Данилова В.А.
Направления совершенствования механизма защиты прав человека в цифровом пространстве		9 сентября 2025 г. Данилова В.А.	2 декабря 2025 г. Данилова В.А.
Заключение		2 декабря 2025 г. Данилова В.А.	12 января 2026 г. Данилова В.А.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….....5
1 ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ…….10
1.1 Цифровое пространство как новая сфера реализации прав и свобод: концептуальные подходы.……10
1.2 Влияние цифровых технологий на содержание и гарантии основных прав…….14
2 СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И КОЛЛИЗИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ…..…….22
2.1 Система источников правового регулирования: национальный и международный уровни……22
2.2 Ключевые правовые проблемы и коллизии в цифровой сфере……..28
3 НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ…..….35
3.1 Развитие процессуальных и институциональных гарантий……35
3.2 Концептуальные предложения по модернизации законодательства и правоприменительной практики……...……..41
ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...47
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ…….51

ВВЕДЕНИЕ

Несомненно, права и свободы человека, согласно Конституции РФ, являются высшей ценностью и оберегаются соответствующим образом. В целях реализации этого положения была ратифицирована Декларация прав и свобод человека и гражданина, а также организованы внутригосударственные механизмы, обеспечивающие возможность гражданам осуществлять в том числе и самозащиту.

Актуальность темы диссертационного исследования. Фундаментальная трансформация общественных отношений, вызванная стремительной цифровизацией всех сфер жизни, поставила перед правовой наукой и законодателем вызовы беспрецедентного масштаба. Цифровое пространство, характеризующееся трансграничностью, виртуальностью, алгоритмизацией и зависимостью от технологической инфраструктуры, перестало быть лишь инструментом коммуникации, превратившись в новую, сложно организованную среду существования личности и общества. В этой среде классические права и свободы человека, сформированные в «аналоговую» эпоху, обретают новое содержание, сталкиваются с неизвестными ранее угрозами и требуют адекватного нормативно-правового обеспечения.

Актуальность настоящего исследования обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов. Во-первых, возник объективный нормативный разрыв между динамикой технологического развития и возможностями традиционного правового регулирования. Такие явления, как массовое профилирование, автоматизированное принятие решений, использование больших данных, распространение технологий искусственного интеллекта и глубокого машинного обучения, создают принципиально новые модели взаимодействия «человек – государство – бизнес», которые слабо отрефлексированы в действующем законодательстве. Во-вторых, обостряется

системный конфликт между конкурирующими ценностями: обеспечением национальной и информационной безопасности, защитой общественной нравственности (что влечет за собой меры контроля и ограничения) – с одной стороны, и незыблемыми гарантиями неприкосновенности частной жизни, свободы мысли, слова, информации и права на защиту персональных данных – с другой. В-третьих, в практической плоскости нарастает объем правовых коллизий и пробелов, что проявляется в противоречивой судебной практике по вопросам блокировки контента, ответственности интернет-посредников, экстерриториального действия национального законодательства (например, в связи с применением «закона о персональных данных» к иностранным компаниям) и защиты прав граждан при использовании государственных и коммерческих цифровых сервисов.

Необходимость формирования в России суверенного цифрового пространства, провозглашенная в качестве стратегического ориентира в ряде ключевых политико-правовых документов (таких как Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы[1], Национальная стратегия развития искусственного интеллекта[2]), делает задачу выработки сбалансированной, эффективной и соответствующей конституционным принципам модели правового регулирования в цифровой сфере задачей первостепенной государственной важности. Таким образом, настоящее исследование направлено на решение не только научно-теоретической, но и острой социально-правовой проблемы.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика прав человека в цифровую эпоху находится в центре внимания отечественной и зарубежной юридической науки. Значительный вклад в разработку теоретических основ информационного права, понятийного аппарата и

[1] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2017. - № 20. - Ст. 2901.

[2] Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. - № 41. - Ст. 5700.

отдельных аспектов цифровизации внесли такие российские ученые, как И.Л. Бачило, А.Б. Агапов, М.А. Федотов, В.Б. Наумов, Л.К. Терещенко, С.С. Аветисян, А.А. Тедеев. Вопросы защиты персональных данных детально исследовались в работах О.А. Горшкова, М.А. Лапиной.

Вместе с тем, комплексный анализ нормативно-правового регулирования всего спектра прав человека именно в контексте их новой цифровой среды реализации представлен в доктрине фрагментарно. Большинство работ сосредоточено либо на узкоотраслевых вопросах (информационной безопасности, IT-праве), либо на отдельных правах (прежде всего, на приватности). Недостаточно исследованными остаются системные эффекты взаимодействия технологий и права, процесс трансформации гарантийных механизмов, а также перспективы консолидации разрозненных правовых норм в целостную, логически непротиворечивую систему.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве, а также их нормативно-правовое опосредование.

Предметом исследования являются:

- нормы международного права и российского законодательства, регулирующие права человека в цифровой сфере;

- теоретические концепции и научные доктрины, касающиеся цифровых прав и свобод;

- практика правоприменительных и судебных органов (в частности, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека).

Целью диссертационного исследования является комплексный анализ современного состояния и тенденций развития нормативно-правового регулирования прав человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации, выявление системных противоречий и коллизий в

данном регулировании, а также разработка на этой основе научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Конкретизируя общие цели исследования, были поставлены следующие задачи:

- проанализировать цифровое пространство как новую сферу реализации прав и свобод и определить концептуальные подходы;

- выявить влияние цифровых технологий на содержание и гарантии основных прав;

- изучить систему источников правового регулирования: национальный и международный уровни;

- определить ключевые правовые проблемы и коллизии в цифровой сфере;

- изучить контроль деятельности арбитража как гарантия государственной защиты конституционных прав и свобод субъектов предпринимательства;

- рассмотреть развитие процессуальных и институциональных гарантий;

- охарактеризовать концептуальные предложения по модернизации законодательства и правоприменительной практики.

Работа выполнена на основе методов и методик исследования гражданско-правовых явлений, в том числе системного, сравнительно-правового, логического, формально-юридический, историко-правовой и др. Кроме того, в процессе исследования были использованы научные методы познания и специальные приемы и способы проведения исследований: анализ, синтез, сравнение, а также систематизация и обобщение теоретического материала.

Нормативно-правовой базой магистерской диссертации являются Конституция РФ, законы Российской Федерации, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, Гражданский кодекс РФ, Арбитражно-процессуальный кодекс

РФ, а также законодательство субъектов РФ и ведомственные акты.

Эмпирическую основу исследования составили материалы судебной практики и результаты научных исследований, представленные в периодических изданиях.

Научная новизна исследования заключается в разработке целостной концепции нормативно-правового регулирования прав человека в цифровом пространстве России, основанной на синтезе теоретико-правового анализа и комплексной оценки действующего законодательства и практики его применения.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования и включает введение, три раздела, объединяющие шесть подразделов, заключение и список использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

1.1 Цифровое пространство как новая сфера реализации прав и свобод: концептуальные подходы

Формирование информационного общества и стремительная цифровизация всех сфер публичной и частной жизни обусловили возникновение принципиально новой среды существования и взаимодействия личности, общества и государства. Эта среда, обозначаемая в доктрине и законодательстве через понятия «киберпространство», «информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет»», «цифровая сфера», представляет собой не просто технический инструмент или коммуникационный канал, а качественно новое публичное пространство, в котором конституционные права и свободы человека обретают иную форму реализации и сталкиваются с уникальными вызовами. Первостепенной задачей юридической науки является осмысление правовой природы этого пространства и выработка адекватных концептуальных подходов к его регулированию, что составляет теоретический фундамент для любого последующего нормотворчества.

Ключевой особенностью цифрового пространства является его виртуально-материальный дуализм. С одной стороны, действия субъектов, информационные потоки и возникающие правоотношения существуют в форме электронных данных, алгоритмических процессов и логических конструкций. С другой стороны, эти процессы имеют совершенно материальные последствия: они влияют на репутацию, имущественное положение, психоэмоциональное состояние индивидов, определяют доступ к социальным благам и услугам, формируют общественное мнение и политический дискурс.

Как справедливо отмечает Д.А. Пашенцев: «Цифровая реальность перестала быть вспомогательной или альтернативной, она стала основной

средой социализации для значительной части населения, а значит, и средой, где права человека должны быть защищены с той же, если не с большей, степенью надежности»[1]. Этот дуализм ломает традиционные для «аналогового» права категории территориальности, физического вмешательства и вещественного доказательства, требуя их адаптации или создания новых правовых конструкций.

В связи с этим в научной дискуссии остро стоит вопрос о необходимости признания специального правового статуса цифрового пространства. Следует ли рассматривать его как продолжение (проекцию) физического мира, где действуют классические нормы с некоторыми особенностями применения, либо как абсолютно новую правовую реальность, требующую формирования оригинальной, автономной системы регулирования – «цифрового права»? Большинство отечественных исследователей склоняются к первому, эволюционному подходу. Конституционный Суд РФ указал, что информационное пространство, включая сеть Интернет, является сферой обращения информации, а значит, и сферой реализации конституционных прав, гарантированных статьями 29 (свобода мысли и слова) и 23 (неприкосновенность частной жизни) Конституции РФ[2]. Таким образом, базовой парадигмой является адаптация существующего правового инструментария, а не создание права «с нуля». Однако эта адаптация носит столь масштабный характер, что фактически формирует новую правовую подсистему.

Важнейшей концептуальной проблемой является переосмысление границ между публичным и частным пространством в цифровой среде. В физическом мире эти границы относительно четки: дом, личная переписка – сфера приватного; улица, митинг, официальное заявление – сфера публичного.

---

[1] Пашенцев Д.А. Конституционные права в условиях цифровой трансформации: новые грани и старые проблемы // Журнал российского права. - 2024. - № 5. - С. 34.

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный текст Конституции РФ опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru, 10.11.2025.

В цифровой среде эти границы размываются и становятся контекстуально зависимыми. Социальная сеть пользователя может одновременно быть площадкой для личного общения (частная сфера) и каналом распространения информации на неограниченный круг лиц (публичная сфера). Данные, добровольно предоставленные для одной цели (например, для использования навигационного приложения), могут быть агрегированы, проанализированы и использованы для иных целей (например, политического таргетирования), что означает незаметное для субъекта пересечение границы приватности.

Современный исследователь В.И. Лафитский, анализируя эту дилемму, указывает: «Цифровая публичность возникает там, где пользователь субъективно рассчитывает на приватность, но технические параметры платформы объективно превращают его действия в публичный акт. Это создает «ловушку приватности», когда юридическая квалификация отстает от технологической и социальной реальности»[1]. Следовательно, правовое регулирование должно выработать более гибкие, динамичные критерии для разграничения этих сфер, учитывающие настройки приватности, ожидания пользователя и функциональное назначение конкретного цифрового сервиса.

Не менее значимым является концептуальный спор вокруг природы и объема «цифровых прав». Можно выделить два основных подхода. Первый, консервативный (адаптационный), утверждает, что никаких принципиально новых прав в цифровую эпоху не возникает. Есть традиционные права человека (на частную жизнь, на свободу выражения, на доступ к информации, на судебную защиту), которые получают новые формы реализации и, соответственно, новые аспекты защиты в непривычных условиях. Задача права – обеспечить эффективную охрану этих классических прав в новой среде. Второй подход, инновационный (трансформационный), настаивает на том, что специфика цифровой среды настолько глубока, что порождает качественно новые правомочия, которые лишь генетически связаны с

[1] Лафитский В.И. Публичное и частное в цифровом пространстве: новые контуры старой дихотомии // Государство и право. - 2024. - № 8. - С. 112.

традиционными. К ним часто относят «право на цифровую идентичность» (на контроль над своими цифровыми следами и профилями), «право на цифровое забвение», «право на цифровую нейтральность», «право на алгоритмическую справедливость» (на недискриминационное действие автоматизированных систем принятия решений).

Российский законодатель, как и правоприменитель, в целом придерживается адаптационного подхода. Так, «право на забвение» в российской правовой системе реализуется не как самостоятельное субъективное право, а через механизмы защиты чести, достоинства и деловой репутации (ст. 152 ГК РФ)[1] и защиты персональных данных (ст. 21 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ)[2], в частности, через право субъекта на удаление его данных. Анализируя эту коллизию, Е.С. Гринь отмечает: «Попытка “вписать” цифровое забвение в прокрустово ложе института репутации или защиты персональных данных приводит к существенным сложностям в доказывании и ограничивает сферу действия этого правомочия. Требуется либо легальное закрепление его как самостоятельного цифрового права, либо глубокая модернизация процессуальных конструкций в рамках существующих институтов».

Таким образом, цифровое пространство предстает как сложно организованная, гибридная среда, в которой традиционные правовые категории проходят проверку на прочность. Его ключевые атрибуты – трансграничность, алгоритмичность, зависимость от инфраструктуры частных корпораций и постоянная генерация цифровых следов – формируют новую архитектуру власти и контроля. В этой архитектуре государство перестает быть монопольным гарантом правопорядка, деля эту функцию с транснациональными технологическими компаниями, которые де-факто устанавливают свои правила (Terms of Service), осуществляют правосудие

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Российская газета. - 1994. - № 238.
[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. - Ст. 3451.

(модерацию контента и блокировки аккаунтов) и формируют цифровую среду обитания. Это приводит к возникновению феномена “частной власти” (private power) в публичном пространстве, что требует пересмотра классических учений о разделении властей, публичной ответственности и природе правовых ограничений.

Подводя итог, можно констатировать, что осмысление цифрового пространства как новой сферы реализации прав и свобод требует от юридической науки отказа от жестких догм и развития функциональных и контекстуальных подходов. Необходимо двигаться от абстрактных дефиниций к анализу конкретных властных отношений (между пользователем и платформой, между государством и провайдером, между алгоритмом и индивидом), которые складываются в этой среде. Только такой анализ позволит построить адекватную и эффективную систему нормативно-правового регулирования, способную не просто реагировать на технологические инновации, но и задавать этические и правовые рамки для их развития в интересах человека и гражданина.

1.2 Влияние цифровых технологий на содержание и гарантии основных прав

Проникновение цифровых технологий в ткань общественных отношений носит не внешний, прикладной, а сущностной, трансформирующий характер. Это воздействие приводит к глубокой модификации содержания, условий реализации и системы гарантий фундаментальных прав человека, закрепленных как в международных актах, так и в Конституции Российской Федерации. Технологии больших данных, искусственный интеллект, повсеместная интернет-связность и алгоритмизация создают принципиально новую среду, в которой традиционные правовые конструкции, такие как «неприкосновенность

частной жизни», «тайна связи», «свобода получения информации», испытывают беспрецедентное давление и нуждаются в концептуальном переосмыслении. Анализ современного состояния должен быть основан на понимании исторического генезиса законодательного регулирования в данной сфере, отражающего путь от первых попыток осмысления новой реальности до современных комплексных, но зачастую противоречивых подходов. Данный подраздел посвящен исследованию ключевых векторов влияния технологий на права, выявлению возникающих правовых дефицитов и угроз, а также исторической ретроспективе формирования нормативной базы.

Исторический аспект развития законодательства: от «информационной безопасности» к «цифровым правам». Становление нормативно-правового регулирования цифрового пространства в России прошло несколько этапов, отражающих эволюцию понимания его природы государством и обществом. Первый, начальный этап (1990-е – начало 2000-х гг.), был сосредоточен на обеспечении технической инфраструктуры и базовых понятий. Принятие Федерального закона от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации»[1] заложило основы информационного законодательства, однако его концепция была во многом технократичной. Правовой статус личности в этой системе был вторичен; ключевыми являлись категории информационных ресурсов, документированной информации и защиты от компьютерных преступлений, что отражено в первой редакции Уголовного кодекса РФ (ст. 272-274)[2].

Второй этап (середина 2000-х – 2010-е гг.) ознаменовался формированием базовых «китов» регулирования, где права человека стали занимать более заметное, но все еще фрагментарное место. Принятие Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации,

[1] Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. - № 8. - Ст. 609.
[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст. 2954.

информационных технологиях и о защите информации»[1] (далее – Закон об информации) и Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[2] стало поворотным моментом.

Первый закон в ст. 3 среди основных принципов правового регулирования закрепил принцип неприкосновенности частной жизни, недопустимости сбора информации о частной жизни лица без его согласия, а также установил право на доступ к информации. Второй закон, инкорпорировавший основные положения европейской Директивы 95/46/ЕС[3], создал специальный правовой режим для защиты одного из ключевых аспектов цифровой личности. Этот период характеризовался эмансипацией цифровой проблематики из узких рамок связи и технической стандартизации в сферу публичного и гражданского права.

Однако, как отмечает Е.И. Сюбарева: «Раннее российское законодательство в сфере информационных технологий воспринимало личность скорее как объект защиты от внешних угроз (компьютерных атак, несанкционированного доступа), нежели как субъект, активно реализующий свои права в новой цифровой среде»[4].

Третий, современный этап (с конца 2010-х гг. по настоящее время) определяется переходом от защиты к управлению и суверенитету в цифровой среде, что оказало двойственное влияние на права человека.

---

[1] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. - № 31. - Ст. 3448.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. - Ст. 3451.

[3] DIRECTIVE 95/46/EC OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data // Официальный журнал. - № L 281. - 23.11.1995. - стр. 31.

[4] Сюбарева Е.И. Генезис цифровых прав человека в российском законодательстве: от информационной безопасности к цифровому суверенитету // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2024. - № 1. - С. 58.

С одной стороны, принятие «пакета Яровой» (законов от 06.07.2016 № 374-ФЗ[1] и № 375-ФЗ[2]), усиление ответственности за экстремистский контент, введение законов о «суверенном интернете» (Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ[3]) и о «зеркалах» (Федеральный закон от 30.12.2020 № 519-ФЗ[4]) демонстрируют курс на обеспечение национальной безопасности и цифрового суверенитета, что неизбежно затрагивает механизмы ограничения прав. С другой стороны, наблюдается и развитие гарантий: совершенствуется законодательство о персональных данных, обсуждаются концепции «права на забвение» и «цифровых прав». Этот этап, по мнению исследователей, характеризуется «сложным балансированием между логикой цифрового этатизма, стремящегося к контролю над инфраструктурой и контентом, и логикой защиты прав цифрового гражданина, что порождает внутреннюю противоречивость нормативной системы»[5].

Трансформация права на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Классическое понимание приватности, сформированное в доцифровую эпоху, фокусировалось на защите физического пространства (жилища, тайны переписки) от произвольного вмешательства. Цифровая среда радикально меняет объект защиты. Им становится информационная приватность – контроль над цифровыми следами, метаданными, поведенческими профилями, которые формируются непрерывно и часто незаметно для субъекта. Технологии больших данных и алгоритмическое профилирование позволяют не просто собрать информацию,

---

[1] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 28. - Ст. 4558.

[2] Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 375-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. - № 28. - Ст. 4559.

[3] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 N 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. - № 18. - Ст. 2214.

[4] Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» от 30.12.2020 N 519-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. - № 1. - Ст. 58.

[5] Григорьев А.С. Правовое регулирование цифрового пространства в России: эволюция парадигм // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2024. - № 2. - С. 120.

а предсказать поведение, выявить склонности и манипулировать выбором, создавая феномен «цифрового двойника», который может расходиться с реальной личностью, но определять ее жизненные шансы (например, при кредитовании, найме на работу). Законодательство о персональных данных (152-ФЗ), хотя и было существенно модернизировано, зачастую отстает от технологических реалий. Так, сложности вызывает квалификация данных, агрегированных и обезличенных на одном этапе, но способных к реидентификации на другом с помощью новых алгоритмов. Концепция согласия на обработку, краеугольный камень 152-ФЗ, зачастую превращается в проформальность при заключении договоров присоединения с цифровыми сервисами. В этом контексте актуально замечание В.В. Кравченко: «Современные технологии ставят под сомнение саму возможность реализации классической модели информированного добровольного согласия, поскольку пользователь не в состоянии осознать все возможные последствия и сценарии использования предоставляемых им данных, которые могут быть обработаны системами искусственного интеллекта способами, не предвиденными в момент сбора»[1].

Модификация свободы мысли, слова и информации: между открытостью и контролем. Цифровая среда, казалось бы, реализовала утопию абсолютной свободы распространения и получения информации. Однако на практике она породила новые, более изощренные формы контроля и самоцензуры. Во-первых, это алгоритмическое управление вниманием и ранжирование контента. Поисковые системы и социальные сети, руководствуясь коммерческими целями (максимизация вовлеченности), формируют «информационные пузыри», сужающие кругозор пользователя и поляризующие общество. Во-вторых, борьба с дезинформацией, экстремизмом и иным незаконным контентом привела к созданию масштабной системы превентивной блокировки и фильтрации, основанной на

[1] Кравченко В.В. Персональные данные в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы для концепции конфиденциальности // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - Т. 19. - № 6. - С. 93.

автоматизированном анализе. Это, как справедливо указывают эксперты, создает риск «чрезмерного блокирования», когда под ограничения попадает законный контент. Правовая конструкция «информационного посредника», через которую реализуется эта политика, возлагает на владельцев платформ обязанности по модерации, фактически делегируя им квази-публичные полномочия по ограничению свободы слова без судебного решения в установленных законом случаях. Такая модель, с одной стороны, повышает оперативность реагирования, с другой – ведет к приватизации правоприменения и отсутствию должных процессуальных гарантий для распространителя информации. Данный парадокс отмечает А.Г. Лисицын-Светланов: «Фактическое наделение IT-корпораций полномочиями по ограничению конституционных прав в рамках процедур частной модерации ставит под вопрос адекватность и соразмерность такого подхода, требуя разработки ясных, транспарантных и обжалуемых процедур»[1].

Проблема ограничения прав в цифровой среде. Цифровые технологии предоставляют государству беспрецедентные инструменты для обеспечения безопасности, правопорядка и исполнения публичных функций. Системы видеонаблюдения с распознаванием лиц, анализ больших данных для предупреждения преступлений, отслеживание цифровых транзакций – все это создает потенциал для построения «превентивного государства». Однако именно этот потенциал содержит в себе фундаментальную угрозу для прав и свобод. Ключевая правовая проблема заключается в установлении ясных, соразмерных и установленных федеральным законом оснований для ограничений, как того требует часть 3 статьи 55 Конституции РФ. Многие технологические инструменты внедряются быстрее, чем формируется их адекватное правовое обоснование и судебный контроль. Например, вопросы, связанные с использованием систем биометрической идентификации, тотальным сбором метаданных о коммуникациях (в рамках «пакета Яровой»)

[1] Лисицын-Светланов А.Г. Свобода слова в интернете и ответственность информационных посредников: поиск баланса // Закон. - 2024. - № 5. - С. 78.

или алгоритмическим принятием решений в государственном управлении, требуют отдельной законодательной регламентации, закрепляющей не только цели, но и пределы, сроки хранения, порядок доступа и права субъектов на оспаривание. Отсутствие такого детального регулирования создает риски возникновения «цифрового полицейского государства» под благовидным предлогом эффективности и безопасности.

На основании сказанного нами были сформированы следующие выводы:

Историческое развитие российского законодательства в цифровой сфере демонстрирует эволюцию от технократического подхода, ориентированного на инфраструктуру и безопасность, к более сложной парадигме, пытающейся совместить логику цифрового суверенитета и безопасности с защитой прав личности. Современный этап характеризуется внутренней напряженностью между этими двумя векторами.

Цифровые технологии оказывают глубокое деформирующее воздействие на содержание основных прав. Право на неприкосновенность частной жизни трансформируется в право на информационную самоопределенность и контроль над цифровым профилем, однако действующий правовой механизм (основанный на модели информированного согласия) все чаще не соответствует технологическим реалиям обработки данных.

Свобода информации в цифровой среде сталкивается с двойным вызовом: со стороны алгоритмических систем коммерческих платформ, управляющих доступом к информации, и со стороны масштабных систем государственного контроля за контентом, реализуемых через механизм ответственности информационных посредников. Это приводит к «приватизации» ограничений свободы слова и рискам чрезмерного блокирования.

Поиск баланса между ограничением прав в целях безопасности и сохранением их сущностного содержания становится центральной проблемой цифровой эпохи. Существующее регулирование зачастую отстает от внедрения технологий наблюдения и контроля, что создает правовые пробелы и угрозы установления непропорциональных ограничений, не соответствующих конституционным стандартам.

Таким образом, влияние цифровых технологий приводит не к появлению совершенно новых прав, а к фундаментальному разрушению основ гарантий и изменению условий реализации существующих, что требует не косметических поправок, а системного пересмотра принципов их защиты в новых условиях цифрового пространства.

2 СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И КОЛЛИЗИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВОЙ СФЕРЕ

2.1 Система источников правового регулирования: национальный и международный уровни

Нормативно-правовое регулирование прав человека в цифровом пространстве формируется под влиянием сложной, многоуровневой и зачастую противоречивой системы источников. Эта система находится в состоянии перманентной динамики, пытаясь адаптироваться к стремительному технологическому прогрессу, который опережает возможности традиционного правотворчества. В ее основе лежит напряженное взаимодействие и конкуренция между двумя основными регуляторными полюсами: международно-правовыми стандартами, отражающими универсалистский и интеграционный подход к защите прав, и национальным законодательством, в котором доминируют императивы государственного суверенитета, безопасности и культурной специфики[1]. Анализ данной системы, ее архитектоники, внутренних связей и конфликтов является ключевым для понимания современного состояния и перспектив эволюции правового режима цифрового пространства в России. Особую актуальность приобретает исследование практики имплементации международных стандартов в отечественное правовое поле в условиях трансформации глобального правопорядка и усиления курса на цифровой суверенитет[2].

Международно-правовой уровень. Несмотря на отсутствие единого универсального международного договора, всеобъемлюще регулирующего цифровую сферу, сформировался значительный массив норм, принципов и

[1] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти - порядок в стране (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. - 1997. - N 47.

[2] Синюкова Т. В. Юридические гарантии как метод регулирования правового положения личности // Вопросы теории государства и права: межвузовский сб. науч. раб. Саратов. - 1991. - № 9. - С. 152..

стандартов, обладающих авторитетом и оказывающих прямое влияние на национальные правопорядки. Основополагающим источником остаются универсальные акты по правам человека, в первую очередь, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года[1], положения которого (о праве на жизнь, приватность, свободу выражения) получили цифровое прочтение в практике договорных органов ООН, в частности, Комитета по правам человека. В его Замечании общего порядка № 34 (2011)[2] прямо указано, что право на свободу мнений и их свободное выражение распространяется на любые средства распространения, включая Интернет.

Значительное влияние на формирование европейских и, отчасти, российских подходов оказывает правовая система Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ЕКПЧ)[3] и, что критически важно, прецедентная практика Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) стали лабораторией по адаптации классических правовых доктрин к цифровым реалиям. Постановления ЕСПЧ по делам «Ромен против Франции» (право на забвение в контексте уголовного прошлого), «С. и Марпер против Соединенного Королевства» (хранение биометрических данных), «Фредерик против Франции» (ответственность за перепост в социальных сетях) сформировали детализированные стандарты пропорциональности и предсказуемости ограничений в сети. Однако, как отмечает А.А. Шевелёв: «В современных геополитических условиях прямое заимствование и рецепция стандартов ЕСПЧ в российскую правовую систему сталкивается с институциональными и политико-правовыми барьерами, что актуализирует

[1] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. - № 1. - 01.03.1993. - статья № 3.

[2] Замечание общего порядка № 34, CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г. // URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/comments.htm (дата обращения: 01.11.2025)

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#I0 (дата обращения: 01.11.2025)

задачу автономного осмысления пределов прав человека в цифровую эпоху в рамках собственной конституционной традиции»[1].

Особое место в системе международных источников занимает Регламент ЕС 2016/679 (General Data Protection Regulation – GDPR)[2], который, не являясь международным договором в классическом понимании, установил фактически глобальный стандарт в области защиты персональных данных. Его экстерриториальное действие и принципы (оказали существенное влияние на реформу национального законодательства многих стран, включая Россию, хотя отечественный Федеральный закон № 152-ФЗ пошел по пути адаптации, а не полного копирования европейской модели.

Национальный уровень: конституционные основы и отраслевая мозаика. В Российской Федерации система источников регулирования строится на иерархической основе, вершину которой занимает Конституция РФ, закрепляющая фундаментальные права, подлежащие защите в любой сфере, включая цифровую.

Ядро специального регулирования образуют базовые «информационные» законы, принятые в середине 2000-х годов, но подвергшиеся значительным изменениям:

Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» выступает своеобразной «конституцией» цифрового пространства России. Он определяет ключевые понятия (информация, информационные технологии, владелец сайта, информационный посредник), устанавливает принципы (в том числе неприкосновенность частной жизни) и закрепляет основные механизмы регулирования оборота информации, включая основания и процедуры ограничения доступа.

[1] Шевелёв А.А. Влияние практики Европейского Суда по правам человека на российское законодательство в цифровой сфере: пределы и возможности // Международное правосудие. - 2024. - № 1 (53). - С. 45.

[2] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR) // URL: https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679 (дата обращения: 01.12.2025)

Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» создает специальный правовой режим для защиты одного из наиболее уязвимых благ в цифровой среде. Его нормы, направленные на легитимизацию обработки данных (согласие, договор, публичные интересы) и обеспечение безопасности, являются основным инструментом реализации конституционного права на неприкосновенность частной жизни в информационном аспекте.

Вокруг этого ядра формируется сложный и фрагментированный массив отраслевого законодательства, регламентирующего отдельные аспекты:

Уголовно-правовое и административно-правовое регулирование: Главы 28 УК РФ («Преступления в сфере компьютерной информации») и 13 КоАП РФ[1] устанавливают ответственность за нарушение правил обработки информации, неправомерный доступ, создание и распространение вредоносных программ, а также за распространение запрещенного контента (экстремистского, порнографического и т.д.).

Законодательство о связи и инфраструктуре: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» и, в особенности, Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи»» (т.н. «закон о суверенном интернете») регламентируют деятельность операторов связи, обеспечивая техническую возможность управления маршрутизацией трафика и устойчивостью сети, что напрямую затрагивает право на доступ к информации.

Законодательство о безопасности: «Пакет Яровой» (Федеральные законы от 06.07.2016 № 374-ФЗ и № 375-ФЗ), обязывающий операторов и организаторов распространения информации хранить содержание коммуникаций и метаданные, представляет собой наиболее яркий пример законодательного ограничения прав в интересах безопасности, порождающий дискуссии о соразмерности.

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Российская газета. – № 256. - 31.12.2001.

Законодательство об электронных средствах платежа, цифровых правах и финансовых технологиях: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»[1], нормы Гражданского кодекса РФ о сделках в электронной форме (ст. 434) создают правовую основу для экономической активности в цифровой среде.

Проблема согласованности и системности. Основная проблема национальной системы источников заключается в ее экстенсивном, реактивном и зачастую противоречивом характере. Новые законы и поправки часто принимаются как ответ на конкретные технологические или социальные вызовы (угрозы терроризма, иностранное вмешательство, распространение дезинформации) без должной интеграции в существующую правовую ткань[2]. Это порождает:

1. Нормативные коллизии. Требования разных законов могут противоречить друг другу. Например, обязанность блогера, являющегося «организатором распространения информации» (ст. 10.1-10.2 Закона об информации), по идентификации пользователей и хранению данных может вступать в конфликт с общими принципами Закона о персональных данных о минимизации и целесообразности обработки.

2. Дублирование и пробелы. Одни и те же отношения могут регулироваться нормами разных отраслей (информационного, административного, уголовного права), в то время как для новых феноменов (использование алгоритмов ИИ для принятия решений в госорганах, правовой статус нейросетей) правовых рамок не существует.

3. Отсутствие единой доктринальной основы. Как справедливо отмечает М.А. Якушев: «Современное российское законодательство в цифровой сфере напоминает лоскутное одеяло, сшитое из разрозненных и не всегда совместимых фрагментов. Отсутствие системообразующего акта,

[1] Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. - № 27. - Ст. 3872.
[2] Власенко, Н. А. Современное российское государство: очерки / Н.А. Власенко. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — С. 89.

закрепляющего базовые принципы «цифрового права», такие как технологическая нейтральность, пропорциональность, обеспечение цифрового достоинства личности, ведет к разбалансировке всей системы»[1].

Особую сложность представляет вопрос о месте и юридической силе актов судебного толкования, прежде всего постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Однако отсутствие специальных разъяснений по многим коллизионным вопросам цифрового права (ответственность за гиперссылки, критерии злоупотребления правом при блокировке контента и т.д.) оставляет широкий простор для противоречивой судебной практики, что подрывает правовую определенность. В этой связи, как подчеркивает С.В. Нарижний: «Система источников российского права в цифровой сфере страдает не столько от недостатка нормативного материала, сколько от дефицита его доктринального осмысления и судебной унификации, что приводит к фрагментации правоприменительной практики и снижению уровня защищенности прав»[2].

В связи с изложенным приходим к следующим выводам:

Система источников правового регулирования прав человека в цифровом пространстве носит сложный, многоуровневый и гибридный характер. Она формируется в условиях конкуренции между универсальными международными стандартами (ЕСПЧ, GDPR) и национальными регуляторными подходами, ориентированными на суверенитет и безопасность, что требует от России выработки собственной сбалансированной модели имплементации и адаптации.

Национальное регулирование в России основано на конституционных нормах, развитых в базовых законах об информации и персональных данных, которые образуют нормативное ядро. Однако это ядро окружено массивом разноотраслевого законодательства (уголовного, административного, о связи),

[1] Якушев М.А. Системность законодательства о цифровых технологиях: проблемы и пути достижения // Журнал российского права. - 2024. - № 10. - С. 34.
[2] Нарижний С.В. Судебная практика как источник правового регулирования цифровых отношений: проблемы систематизации // Арбитражный и гражданский процесс. - 2024. - № 5. - С. 29.

которое развивается экстенсивно и реактивно, зачастую в ответ на сиюминутные вызовы.

Ключевой системной проблемой является отсутствие внутренней согласованности и единой доктринальной основы регуляторного массива. Это проявляется в нормативных коллизиях, дублировании, пробелах и фрагментации правоприменительной практики, что снижает предсказуемость и эффективность правового регулирования.

Действующая система источников демонстрирует явный перекос в сторону регулирования ограничений и контроля (безопасность, блокировка контента, хранение данных) при относительном дефиците детализированных правовых механизмов, обеспечивающих позитивную реализацию и гарантированную защиту цифровых прав граждан, таких как право на объяснимость алгоритмических решений, на портабельность данных или на цифровую идентичность.

Таким образом, современная система источников представляет собой не статичную конструкцию, а динамичное, внутренне напряженное поле, где сталкиваются различные правовые логики. Её совершенствование требует не просто принятия новых законов, а проведения глубокой систематизации и кодификации на основе четко сформулированных конституционно-правовых принципов, что позволило бы преодолеть фрагментарность и создать целостный, непротиворечивый и ориентированный на защиту человека правовой режим цифрового пространства.

2.2 Ключевые правовые проблемы и коллизии в цифровой сфере

Выявление и анализ системных правовых проблем, порождаемых взаимодействием цифровых технологий и действующего законодательства, является необходимым условием для разработки адекватных механизмов совершенствования правового регулирования. Формальное наличие развитой

нормативной базы, как было показано в предыдущем параграфе, не гарантирует ее эффективности и непротиворечивости. Напротив, динамичное развитие технологий обнажает глубинные коллизии между традиционными правовыми конструкциями и новыми реалиями, создавая «зоны правовой неопределенности», в которых нарушаются балансы интересов, снижается уровень защиты прав и затрудняется правоприменение. К наиболее острым и значимым проблемам современного этапа можно отнести: во-первых, фундаментальную проблему юрисдикции и определения применимого права в трансграничном цифровом пространстве; во-вторых, неопределенность правосубъектности и меры ответственности информационных посредников; в-третьих, нарастающий конфликт между необходимостью защиты персональных данных и возможностями их использования в публичных и коммерческих интересах, усугубляемый внедрением технологий искусственного интеллекта[1]. Исследование этих проблем позволяет перейти от описания системы источников к критическому осмыслению ее функционирования.

Проблема юрисдикции и применимого права. Классическое международное частное и публичное право основано на принципе территориальности: юрисдикция государства распространяется на его территорию и лиц, находящихся на ней. Цифровое пространство, по своей природе игнорирующее государственные границы, ставит этот принцип под сомнение, порождая феномен конкурирующей или экстерриториальной юрисдикции. Российский законодатель, следуя общемировому тренду, предпринимает попытки расширить действие национальных законов на иностранные субъекты. Наиболее яркий пример – принцип экстерриториальности в Федеральном законе № 152-ФЗ «О персональных данных» (п. 2 ст. 1, ст. 3), который применяется к обработке персональных данных субъектов, находящихся в России, независимо от местонахождения

[1] Власенко, Н. А. Современное российское государство: очерки / Н.А. Власенко. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — С. 121.

оператора. Это порождает серьезные правоприменительные трудности: возможность реального привлечения к ответственности иностранного оператора (например, социальной сети), не имеющего представительства в РФ, крайне ограничена. Аналогичные проблемы возникают при попытках применить требования законодательства об ограничении доступа к запрещенной информации (ст. 15.1-15.6 Федерального закона № 149-ФЗ) к иностранным интернет-ресурсам, что приводит к практике «зеркального блокирования» и созданию реестров запрещенной информации.

Данная коллизия порождает правовую неопределенность как для пользователей, чьи права могут нарушаться иностранными субъектами вне зоны эффективного контроля национальных органов, так и для самих глобальных платформ, вынужденных лавировать между противоречивыми требованиями разных юрисдикций. Как отмечает М.М. Агамагомедова: «Современные подходы к определению юрисдикции в цифровом пространстве, будь то критерий «направленности деятельности» или «последствий», остаются размытыми и субъективными, что приводит к правовому произволу и «войне юрисдикций», в которой проигрывает, в первую очередь, конечный пользователь»[1]. Ситуация усугубляется отсутствием универсальных международных соглашений, решающих эту проблему, что вынуждает государства идти по пути одностороннего экстерриториального регулирования, усиливая фрагментацию глобального интернет-пространства.

Коллизия правосубъектности и ответственности информационных посредников. Российское законодательство, следуя в целом европейской модели, выделяет особых субъектов – организаторов распространения информации в сети «Интернет» и владельцев сайтов/провайдеров хостинга, наделяя их специфическим набором обязанностей и ограниченной ответственностью (ст. 10.1, 10.2, 15.2 Федерального закона № 149-ФЗ). Эта

[1] Агамагомедова М.М. Проблемы определения юрисдикции в трансграничных цифровых отношениях // Российский юридический журнал. - 2024. - № 2. - С. 72.

модель, призванная создать баланс между свободой распространения информации и необходимостью борьбы с противоправным контентом, на практике порождает ряд глубоких противоречий.

Во-первых, существует проблема квалификации посредника. Функции платформ постоянно эволюционируют: от простого хостинга к активному ранжированию, модерации, рекомендациям и монетизации контента. Действующее законодательство с трудом улавливает эту разницу, применяя зачастую одинаковый режим к принципиально разным видам деятельности. Активное вмешательство платформы в распространение информации (например, через алгоритмические ленты) может выводить ее из-под действия щадящего режима ответственности посредника, но чётких правовых критериев для такого переквалификации не установлено.

Во-вторых, действующий механизм внесудебной блокировки контента по предписанию уполномоченного органа (Роскомнадзора) создает риск «чрезмерного блокирования» и делегирует частным компаниям квази-публичные функции цензора. Платформа, стремясь минимизировать риски административной ответственности (крупные штрафы по ст. 13.40, 13.41 КоАП РФ), заинтересована в превентивном удалении любого контента, даже потенциально спорного, что ведет к ограничению свободы слова без должных процессуальных гарантий для распространителя. Как указывает К.Б. Костенко: «Современная модель ответственности информационных посредников в России, по сути, перекладывает бремя доказывания правомерности контента с государственного органа на владельца платформы и конечного пользователя, искажая презумпцию невиновности и создавая мощный «холодящий эффект» для свободы выражения»[1].

В-третьих, сохраняется правовая неопределенность в отношении новых видов цифровых субъектов, таких как создатели и операторы автономных систем на базе искусственного интеллекта, децентрализованные автономные

[1] Костенко К.Б. Ответственность информационных посредников в российском и зарубежном праве: сравнительный анализ тенденций // Вестник гражданского процесса. - 2025. - № 1. - С. 89.

организации или алгоритмы агрегации контента. Их правосубъектность, деликтоспособность и порядок привлечения к ответственности законодательно не урегулированы, что создает значительные правовые риски.

Конфликт между защитой персональных данных и интересами бизнеса/государства в эпоху искусственного интеллекта. Законодательство о персональных данных, основанное на парадигме информированного согласия и целевого использования, сталкивается с фундаментальным вызовом со стороны технологий больших данных и искусственного интеллекта (ИИ). Суть конфликта заключается в следующем: эффективное функционирование ИИ-систем, особенно в сферах медицины, транспорта, государственного управления и науки, зачастую требует обработки огромных массивов данных, включая персональные, причем способы их дальнейшего использования могут быть неочевидны на этапе сбора. Принципы минимизации данных (обрабатываются только необходимые данные) и ограничения цели (данные используются только для заранее определенных целей), закрепленные в ст. 5 Федерального закона № 152-ФЗ, вступают в противоречие с логикой машинного обучения, где ценность данных возрастает при их масштабной агрегации и возможном использовании для непредвиденных задач.

Этот конфликт порождает несколько конкретных правовых проблем:

1. Проблема правомерных оснований обработки. Получение действительного, информированного и конкретного согласия субъекта на обработку его данных для тренировки алгоритмов ИИ, чьи конкретные результаты и области применения заранее неизвестны, представляется крайне сложной задачей. Альтернативные основания, такие как «осуществление прав и законных интересов оператора» (п. 5 ч. 1 ст. 6 Федерального закона № 152-ФЗ) или «публичные интересы», трактуются неоднозначно и могут вести к злоупотреблениям.

2. Проблема обезличенных данных. Закон проводит разграничение между персональными и обезличенными данными (ст. 3 Федерального закона

№ 152-ФЗ), сняв с последних большинство ограничений. Однако современные методы реидентификации с помощью мощных алгоритмов ставят под сомнение саму возможность гарантировать необратимость обезличивания, превращая эту правовую конструкцию в «юридическую фикцию», создающую ложное чувство безопасности.

3. Проблема «права на объяснение». При принятии решений в отношении человека автоматизированными системами (кредитный скоринг, оценка при приеме на работу) возникает вопрос о праве субъекта на понимание логики такого решения. Хотя ст. 21 Федерального закона № 152-ФЗ предоставляет субъекту право на информацию об обработке, она не гарантирует разъяснения сложной, а иногда и не полностью понятной даже разработчикам, логики работы «черного ящика» нейросети. Это напрямую затрагивает право на справедливое судебное разбирательство и эффективные средства правовой защиты. По мнению В.Н. Синюкова: «Внедрение ИИ требует перехода от формального соблюдения процедур сбора согласия к установлению материальных гарантий, таких как обязательная оценка воздействия на права человека для алгоритмов, принимающих значимые решения, и законодательное закрепление права на содержательное объяснение алгоритмических выводов»[1].

Подведем итоги. Действующее правовое регулирование в цифровой сфере содержит ряд глубинных системных коллизий, которые не могут быть разрешены в рамках текущих правовых парадигм. Эти коллизии происходят из фундаментального несоответствия между территориально-отраслевой архитектурой традиционного права и трансграничной, междисциплинарной природой цифровых отношений.

Проблема юрисдикции и применимого права остается одной из наиболее острых. Усилия российского законодателя по экстерриториальному применению национальных норм, хотя и понятны с точки зрения защиты

[1] Синюков В.Н. Искусственный интеллект и право на приватность: новые грани старого конфликта // Право и цифровая экономика. - 2024. - № 3. - С. 15.

суверенитета, наталкиваются на практические ограничения и способствуют фрагментации глобальной сети, не предлагая эффективных механизмов реальной защиты прав пользователей в отношениях с иностранными субъектами.

Существующая модель ответственности информационных посредников, формально основанная на принципах ограниченной ответственности, де-факто приводит к их гиперрегуляции и превентивной цензуре. Неопределенность правового статуса и чрезмерные штрафные санкции создают «холодящий эффект», вынуждая платформы к избыточному ограничению свободы выражения в ущерб публичному дискурсу и без должных процессуальных гарантий.

Конфликт между защитой персональных данных и потребностями технологического прогресса, особенно в области ИИ, достиг критической точки. Традиционная модель, опирающаяся на информированное согласие и целевое ограничение, устарела в условиях, когда ценность данных раскрывается в их массовой агрегации и вторичном использовании. Это требует переосмысления основ правового режима данных, смещения акцента с формального согласия на обеспечение прозрачности, подотчетности и установление материальных гарантий против дискриминационных или необъяснимых алгоритмических решений.

Таким образом, ключевые правовые проблемы в цифровой сфере свидетельствуют не о частных недоработках законодательства, а о его системном кризисе. Их преодоление невозможно через точечные поправки и требует комплексного подхода, включающего как развитие международного сотрудничества для решения вопросов юрисдикции, так и глубокую модернизацию национального законодательства на основе новых принципов (например, принципа пропорциональности и технологической нейтральности) и создание новых правовых институтов, способных адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи.

3 НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

3.1 Развитие процессуальных и институциональных гарантий

Анализ ключевых правовых проблем и коллизий, проведенный во втором разделе, однозначно свидетельствует, что преодоление дисбаланса в регулировании цифрового пространства невозможно без качественного преобразования самого механизма защиты нарушенных прав. Наличие материальной нормы является необходимым, но отнюдь не достаточным условием обеспечения прав человека. Реализация и защита прав в цифровой среде требуют адекватных процессуальных инструментов и эффективных институциональных структур, способных применять эти нормы в условиях технологической сложности, трансграничности и информационной асимметрии[1]. Современные процессуальные конструкции, заимствованные из «аналоговой» эпохи, зачастую демонстрируют свою неэффективность при столкновении с цифровой реальностью, где меняется природа доказательств, скорость распространения нарушений и сама идентичность сторон. Развитие гарантий должно осуществляться по трем основным векторам: 1) адаптация доступа к правосудию и правил доказывания; 2) оптимизация деятельности специализированных надзорных органов; 3) создание и развитие внесудебных (альтернативных) механизмов разрешения споров. Без системного укрепления этих элементов любые попытки модернизации материального законодательства рискуют остаться декларативными.

Адаптация процессуального законодательства к специфике цифровых правоотношений. Основным барьером на пути реализации права на судебную защиту (ст. 46 Конституции РФ) в цифровой сфере выступает «процессуальное отставание», заключающееся в неприспособленности

[1] Глобализация и правовая система России: Основные направления развития /Е. Г. Лукьянова. - М.: Норма, 2021. – С. 108.

традиционных процедур к особенностям цифровых конфликтов[1]. Эта проблема проявляется наиболее остро в двух аспектах: подведомственность/подсудность и доказывание.

В условиях трансграничности цифровых отношений классические критерии определения подсудности (место жительства ответчика, место исполнения обязательства) зачастую теряют ясность. Если нарушитель прав (например, распространитель порочащих сведений в социальной сети) является иностранным юридическим лицом, не имеющим активов в России, эффективное рассмотрение дела становится крайне затруднительным. Требуется дальнейшее развитие и конкретизация коллизионных норм, в том числе закрепленных в разделе VI Гражданского кодекса РФ, с учетом критериев «направленности деятельности» на российскую аудиторию, что уже частично отражено в п. 2 ст. 1 Федерального закона № 152-ФЗ. Для дел о защите чести, достоинства и деловой репутации в сети «Интернет» целесообразно рассмотреть возможность введения альтернативной подсудности по месту жительства истца, как это предусмотрено для защиты прав потребителей (ч. 7 ст. 29 Гражданского процессуального кодекса РФ)[2], учитывая схожий статус пользователя как более слабой стороны в отношениях с цифровыми платформами.

Центральной процессуальной проблемой является доказывание. Цифровые доказательства (электронные письма, скриншоты, лог-файлы, данные метаданных) обладают высокой степенью изменяемости, анонимности и технической сложности. Действующее законодательство (ст. 71 АПК РФ, ст. 59, 60 ГПК РФ, ст. 64 КАС РФ[3]) признает электронные документы в качестве доказательств, однако не содержит детальных процедур, обеспечивающих их достоверность и целостность. Особую сложность представляет установление

[1] Мецгер, А.А. Понятие и общая характеристика конституционного права на свободу и личную неприкосновенность // Государственная служба и кадры. - 2019. - № 4. - С. 49.
[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - № 46. - Ст. 4532.
[3] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. -2015. - № 10. - Ст. 1391.

авторства анонимного или псевдонимного контента. В этой связи назрела необходимость внедрения в процессуальные кодексы специальных норм, регулирующих:

- Порядок обеспечения и представления электронных доказательств, включая использование цифровых нотариальных протоколов (осмотра сайта), которые уже применяются на практике, но не имеют единого процессуального стандарта.

- Процедуры возложения бремени доказывания в спорах с информационными посредниками. В делах о незаконном контенте зачастую именно платформа обладает всей технической информацией о распространителе, но не обязана ее раскрывать в полном объеме. Как отмечает А.В. Поляков: «Для преодоления информационной асимметрии необходимо законодательно закрепить право суда по ходатайству истца истребовать у владельца платформы данные, позволяющие идентифицировать анонимного нарушителя, при условии соблюдения баланса с правом на анонимность и защитой персональных данных других пользователей»[1].

- Механизмы использования независимой технической экспертизы для анализа алгоритмов ранжирования или модерации контента в спорах о дискриминации или цензуре со стороны платформы.

Совершенствование деятельности надзорных органов. Ключевым институциональным элементом системы защиты в цифровой сфере является Роскомнадзор, наделенный широкими полномочиями по контролю за соблюдением законодательства об информации, персональных данных и связи. Однако его текущая модель деятельности, сосредоточенная преимущественно на административном принуждении и блокировке ресурсов, нуждается в переосмыслении. Это предполагает:

- Публичную алгоритмическую подотчетность: Роскомнадзор, как регулятор, должен развивать компетенции для проведения аудита

[1] Поляков А.В. Электронные доказательства в судебной защите цифровых прав // Закон. - 2025. - № 1. - С. 114.

алгоритмических систем крупнейших цифровых платформ, функционирующих на российском рынке, на предмет их соответствия требованиям недискриминации, защиты персональных данных и прав пользователей. Пока такие проверки носят фрагментарный характер.

- Внедрение регуляторных «песочниц»: Создание специальных правовых режимов для тестирования новых технологий (например, ИИ в госуслугах) под контролем регулятора позволит выявлять правовые риски на ранней стадии, не тормозя инновации.

- Публичные разъяснения и рекомендации: Активная публикация детальных, содержательных разъяснений сложных положений законодательства и обзоров правоприменительной практики поможет снизить правовую неопределенность для бизнеса и граждан. Как справедливо замечает С.А. Бурков: «Эффективность цифрового регулятора измеряется не только объемом вынесенных предписаний и суммой наложенных штрафов, но и его способностью формировать ясные «правила игры» через разъяснительную работу, методические рекомендации и публичный диалог с регулируемым сообществом»[1].

Важную роль в защите прав субъектов персональных данных играет также Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), устанавливающая требования по безопасности информации. Однако координация между различными надзорными органами (Роскомнадзор, ФСТЭК, ФСБ, Роспотребнадзор) в цифровой сфере остается слабой, что приводит к дублированию проверок и разночтениям в требованиях.

Судебная же защита, будучи фундаментальной гарантией, зачастую является длительной, затратной и избыточно формализованной для

[1] Бурков С.А. Трансформация роли государственных органов в регулировании цифровой экономики: от надзора к управлению экосистемой // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2024. - № 3. - С. 78.

разрешения многих типичных цифровых конфликтов[1] (споры о модерации контента, удалении аккаунта, доступе к данным). В этой связи развитие быстрых, доступных и специализированных альтернативных (внесудебных) процедур урегулирования споров становится важным[2].

Процедура медиации, урегулированная Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[3], обладает значительным, но нереализованным потенциалом для разрешения споров между пользователями и цифровыми платформами. Для ее стимулирования необходимо:

- Закрепить в пользовательских соглашениях крупных платформ (социальных сетей, маркетплейсов) возможность досудебного обращения к профессиональному медиатору.

- Развивать специализацию медиаторов в области IT-права и цифровых коммуникаций.

Также, многие платформы имеют собственные процедуры обжалования блокировок или удаления контента, однако они непрозрачны и не предоставляют пользователю полноценных процессуальных прав. Государство может стимулировать создание более справедливых систем, установив рамочные требования к таким процедурам: наличие ясных правил, обязанность мотивированного ответа, возможность обращения к реальному сотруднику, а не только к алгоритму, и создание независимого апелляционного совета при платформе.

Создание в России специализированного института уполномоченного по защите прав в цифровой сфере стало бы качественным шагом вперед[4]. Этот

---

[1] Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. - СПб.: Лань, 2022. – С. 164.

[2] Марьина, Е.В. Судебная система Российской Федерации: учебное пособие / Е.В. Марьина. – Самара: Издательство Самарского университета, 2020. – С. 102.

[3] Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. - № 31. - Ст. 4162.

[4] Мочалов А.Н. Об учреждении в России должности Уполномоченного по защите прав человека в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Правовое государство: теория и практика. – 2022. - № 2 (68). – С. 29.

орган, по аналогии с институтом Уполномоченного по защите прав предпринимателей, мог бы:

- Оказывать гражданам бесплатную консультационную помощь.

- Проводить независимые расследования системных нарушений цифровых прав.

- Выступать с законодательными инициативами.

- Представлять интересы неопределенного круга пользователей в судах.

- Содействовать развитию саморегулирования в IT-индустрии. По мнению Е.В. Трыкановой: «Институт цифрового омбудсмена способен стать ключевым элементом «мягкой» инфраструктуры защиты прав, выполняя роль посредника между гражданином, бизнесом и государством, оперативно реагируя на новые вызовы и заполняя пробелы в судебной и административной защите»[1].

Таким образом, совершенствование механизма защиты прав в цифровом пространстве требует системного подхода, направленного на модернизацию всех его элементов: процессуального, институционального и альтернативного (внесудебного). Без сильных процессуальных инструментов материальные нормы остаются неэффективными.

Необходима срочная адаптация процессуального законодательства (АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ) к реалиям цифровых отношений.[2] Ключевыми задачами являются: развитие института электронных доказательств с гарантиями их достоверности, уточнение правил подсудности для трансграничных споров и введение процессуальных механизмов преодоления информационной асимметрии между пользователем и цифровой платформой.

Деятельность надзорных органов, в первую очередь Роскомнадзора, должна эволюционировать от модели репрессивного контроля к модели «смарт-регулирования», основанной на диалоге, профилактике, экспертной

[1] Трыканова Е.В. Перспективы создания института уполномоченного по цифровым правам в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. - 2024. - № 5. - С. 52.
[2] Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.]; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2023. – С. 271.

аналитике и публичной подотчетности. Это требует развития новых компетенций внутри регулятора и налаживания эффективного межведомственного взаимодействия.

Развитие внесудебных механизмов защиты — медиации, эффективных внутриплатформенных процедур обжалования и, в перспективе, создание института Уполномоченного по цифровым правам — является необходимым условием для разгрузки судебной системы и обеспечения быстрой, доступной и предметной защиты прав для миллионов пользователей. Эти механизмы должны формировать многоуровневую систему защиты, где гражданин может выбрать оптимальный для своего случая путь восстановления нарушенного права.

Таким образом, укрепление процессуальных и институциональных гарантий представляет собой не техническую, а стратегическую задачу. Создание эффективного, гибкого и доступного механизма защиты — это основа для построения доверия к цифровой среде, обеспечения верховенства права в новых условиях и реализации конституционного принципа гарантированности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровую эпоху.

3.2 Концептуальные предложения по модернизации законодательства и правоприменительной практики

Преодоление системных коллизий, выявленных в предыдущих разделах, и создание эффективной модели защиты прав в цифровой среде не может ограничиваться лишь совершенствованием процедур и институтов. Требуется концептуальная модернизация самого правового подхода, переход от реактивного, фрагментарного и зачастую консервативного регулирования к целостной, проактивной и ориентированной на человека системе. Эта система должна быть способна не только адекватно реагировать на технологические вызовы, но и задавать этические и правовые рамки для цифрового развития,

превращая право из ограничителя в архитектора безопасного и справедливого цифрового пространства. Концептуальные предложения, сформулированные в данном подразделе, направлены на достижение этой цели через три взаимосвязанных направления: 1) консолидацию и кодификацию правовых норм; 2) имплементацию превентивных технологических принципов; 3) формирование правовой культуры нового типа, охватывающей всех участников цифровых отношений.

Накопленный массив разрозненного законодательства, регулирующего цифровую сферу, достиг критической массы, при которой его внутренние противоречия начинают перевешивать полезный эффект. Ведомственная и отраслевая разобщенность норм об информации, связи, персональных данных, электронной коммерции и безопасности создает непреодолимые барьеры как для правоприменителя, так и для конечного пользователя. Выходом из этой ситуации может стать разработка и принятие системообразующего (рамочного) федерального закона, условно именуемого «Об основах правового статуса личности в цифровом пространстве Российской Федерации» или «О цифровых правах граждан».

Цель такого акта — не замена существующих специализированных законов (№ 149-ФЗ, № 152-ФЗ), а их концептуальная и терминологическая гармонизация. Он должен стать «цифровой конституцией», закрепляющей:

- Систему цифровых прав и принципов: дать легальное определение цифрового пространства как среды реализации прав, закрепить адаптированную формулировку классических прав (на цифровую приватность, на свободу цифрового выражения, на доступ к цифровым публичным услугам) и сформулировать новые принципы регулирования: технологической нейтральности (нормы должны регулировать функции, а не конкретные технологии), цифрового минимализма (ограничения прав должны быть необходимыми и соразмерными), подотчетности алгоритмов и обеспечения цифрового достоинства личности.

- Единый статус ключевых субъектов: установить четкие, функциональные критерии для определения правового положения информационных посредников, операторов персональных данных, разработчиков алгоритмических систем, разграничив их права, обязанности и виды ответственности в зависимости от степени и характера их воздействия на права пользователей.

- Базовые гарантии и механизмы защиты: Инкорпорировать в материальное законодательство выработанные в рамках процессуальной реформы гарантии (право на объяснимость алгоритмического решения, презумпцию нарушения прав пользователя при несоблюдении платформой процедур уведомления и обжалования, упрощенные механизмы коллективных исков в цифровой сфере).

Как отмечает В.Б. Исаков: «Развитие цифрового права в России подошло к черте, когда дальнейшее наращивание массива отраслевых норм без их концептуального обобщения в едином акте ведет к «правовой инфляции» – снижению управляемости и предсказуемости всей системы. Базовый закон о цифровых правах должен выполнить роль системного интегратора, скрепляющего разрозненные элементы в единый каркас»[1].

Защита прав в цифровой среде не может быть эффективной, если она строится по принципу «посленарушительного» реагирования. Современные сложные технологические системы требуют встраивания гарантий защиты прав и этических норм на этапе проектирования и разработки. Принцип «Защита приватности через проектирование», являющийся краеугольным камнем GDPR (ст. 25)[2], должен получить прямое закрепление в российском законодательстве о персональных данных и техническом регулировании. Это означает законодательное установление обязанности для разработчиков

[1] Исаков В.Б. О перспективах кодификации цифрового законодательства в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. - 2024. - № 3. - С. 67.

[2] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR) // URL: https://ogdpr.eu/ru/gdpr-2016-679 (дата обращения: 01.12.2025)

информационных систем, обрабатывающих персональные данные или влияющих на права граждан, изначально закладывать в архитектуру такие параметры, как минимизация данных, шифрование по умолчанию, прозрачность обработки и возможность пользователя контролировать свои настройки.

Формирование цифровой правовой культуры и подготовка кадров. Любые, даже самые совершенные, правовые нормы останутся декларацией без соответствующего уровня правосознания и профессиональной компетентности у всех субъектов цифровых отношений. Формирование цифровой правовой культуры — это комплексная задача, включающая:

- Правовое просвещение граждан (цифровая грамотность): Образовательные программы, инициативы Роскомнадзора и института Уполномоченного по правам человека должны выходить за рамки простых предупреждений о мошенничестве. Граждане должны знать свои конкретные права: как отозвать согласие на обработку данных, как подать жалобу на действия платформы, как использовать право на забвение, какие данные собирает то или иное приложение и с какой целью. Это превращает пользователя из пассивного объекта регулирования в активного субъекта, способного защищать свои интересы.

- Крупные цифровые платформы должны взять на себя ответственность не только за формальное соблюдение закона, но и за продвижение этических стандартов. Это включает прозрачные пользовательские соглашения, написанные понятным языком, создание эффективных и независимых служб поддержки и рассмотрения жалоб, публичную отчетность о запросах государственных органов и практике модерации контента.

- Система юридического образования в России нуждается в глубокой модернизации для подготовки специалистов, способных работать на стыке права и технологий. Необходимо:

Введение обязательных курсов по информационному праву, праву персональных данных, правовым аспектам ИИ и блокчейна в программы ведущих юридических вузов.

Развитие программ двойных дипломов и магистратур по направлению «Цифровое право».

Активное привлечение практикующих IT-юристов к преподаванию и создание юридических клиник, специализирующихся на цифровых правах.

Постоянное повышение квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов в сфере цифровых технологий и специфики электронных доказательств.

Как справедливо отмечает Д.В. Огородов: «Пробелы в правовом регулировании сегодня все чаще заполняются не новыми законами, а техническими стандартами и корпоративными политиками. В этих условиях юрист будущего должен быть не просто интерпретатором норм, а «правовым инженером», способным проектировать правовые режимы для новых технологий и вести диалог на языке как права, так и программирования»[1]. Инвестиции в человеческий капитал и правовую культуру являются стратегическим условием для построения устойчивой системы защиты прав в цифровом будущем.

В заключении хотелось бы кратко изложить выводы. Качественный скачок в эффективности защиты прав в цифровом пространстве невозможен без концептуального обновления правового подхода. Оно должно выражаться в переходе от экстенсивного роста количества норм к их глубокой систематизации и качественной гармонизации через принятие базового рамочного закона, закрепляющего фундаментальные принципы и гарантии «цифрового» статуса личности.

Устойчивость и эффективность любой правовой системы в конечном итоге определяются уровнем правовой культуры. Формирование цифровой

[1] Огородов Д.В. Трансформация юридической профессии в условиях цифровизации: вызовы для системы образования // Образование и право. - 2024. - № 8. - С. 112.

правовой культуры требует триединых усилий по: а) повышению цифровой правовой грамотности граждан, б) развитию корпоративной социальной ответственности цифрового бизнеса, в) кардинальному обновлению системы подготовки юридических кадров, способных работать в междисциплинарной среде права и технологий.

Таким образом, модернизация законодательства и правоприменительной практики – это не техническая, а стратегическая задача государственного масштаба, от решения которой зависит, станет ли цифровое пространство России территорией свободы, безопасности и реализации человеческого потенциала или превратится в зону правовой неопределенности и произвола. Предложенные концептуальные направления – кодификация, превентивные принципы и формирование новой правовой культуры – представляют собой взаимодополняющие элементы единой политики, направленной на построение цифрового правового государства, в котором технологический прогресс неотделим от гарантий достоинства, свободы и прав каждого человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование нормативно-правового регулирования прав человека и гражданина в цифровом пространстве позволило сформулировать комплекс выводов, раскрывающих теоретико-методологические основы, выявить системные проблемы действующей правовой модели и предложить концептуальные пути её совершенствования. Работа подтвердила гипотезу о том, что стремительная цифровизация общественных отношений порождает глубокую трансформацию содержания и условий реализации традиционных прав, с которой существующий механизм регулирования, отличающийся фрагментарностью и реактивностью, не справляется в полной мере.

Краткие выводы по главам исследования.

В первой главе были раскрыты теоретико-правовые основы регулирования. Установлено, что цифровое пространство представляет собой качественно новую публичную среду, в которой происходит переосмысление классических правовых категорий частного и публичного. Продемонстрировано, что влияние цифровых технологий проявляется не в создании принципиально новых прав, а в фундаментальной модификации содержания и гарантий уже существующих, таких как право на неприкосновенность частной жизни, трансформирующееся в право на информационную самоопределенность, и свобода информации, сталкивающаяся с вызовами алгоритмического управления и превентивного контроля. Исторический анализ показал эволюцию отечественного законодательства от технократического подхода 1990-х годов к современной сложной и внутренне противоречивой парадигме, балансирующей между логикой цифрового суверенитета и защиты прав личности.

Вторая глава посвящена анализу современного состояния и коллизий регулирования. Исследование подтвердило, что система источников права в цифровой сфере носит сложный, многоуровневый, но разобщенный характер,

испытывая напряжение между международными стандартами и национальными предписаниями. Ключевым выводом является выявление системных правовых проблем: 1) кризиса юрисдикционных принципов в условиях трансграничности цифровых отношений; 2) неопределенности правового статуса и меры ответственности информационных посредников, приводящей к «холодящему эффекту» для свободы слова; 3) нарастающего конфликта между устаревшей парадигмой защиты персональных данных, основанной на информированном согласии, и потребностями обработки больших данных для развития технологий искусственного интеллекта. Эти коллизии свидетельствуют о системном кризисе, а не о частных недостатках законодательства.

Третья глава сформулировала направления совершенствования механизма защиты прав. Обоснована необходимость комплексного подхода, включающего три взаимосвязанных элемента: 1) развитие процессуальных и институциональных гарантий через адаптацию судопроизводства, переход надзорных органов к модели «смарт-регулирования» и создание системы внесудебных механизмов, включая институт Уполномоченного по цифровым правам; 2) концептуальную модернизацию законодательства на основе его кодификации, внедрения превентивных принципов и формирования новой цифровой правовой культуры; 3) стратегическую перестройку системы подготовки юридических кадров для работы в междисциплинарной среде права и технологий.

Практическая значимость определяется возможностью использования выводов и предложений:

- в нормотворческой деятельности при подготовке проектов федеральных законов;

- в правоприменительной практике судов и уполномоченных органов (Роскомнадзора, ФСТЭК России) для единообразного толкования норм;

- в научно-образовательном процессе при подготовке учебных курсов и программ повышения квалификации.

Конкретные предложения по совершенствованию законодательства:

Принять базовый федеральный закон «Об основах правового статуса личности в цифровом пространстве Российской Федерации». В данном законе следует закрепить системообразующие принципы, такие как технологическая нейтральность, обеспечение цифрового достоинства и алгоритмическая подотчетность. Закон должен определить функциональные критерии дифференциации ответственности информационных посредников (хостинг, активная платформа, социальная сеть) в зависимости от характера их вмешательства в контент, а также установить гарантированное право пользователя на мотивированное объяснение значимых алгоритмических решений, затрагивающих его права и законные интересы (например, отказ в предоставлении услуги, блокировка аккаунта, изменение ранжирования). Это позволит преодолеть фрагментарность действующего регулирования.

Дополнить Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» нормой, обязывающей операторов, осуществляющих обработку данных с использованием технологий искусственного интеллекта для принятия решений в отношении субъекта, проводить обязательную оценку воздействия на права человека. Такая оценка, проводимая до внедрения системы, должна анализировать риски дискриминации, нарушения права на приватность и справедливое судебное разбирательство. Порядок проведения и критерии оценки должны быть установлены уполномоченным органом (Роскомнадзором) по согласованию с Уполномоченным по правам человека в РФ.

Внести изменения в Арбитражный процессуальный кодекс и Гражданский процессуальный кодекс РФ, предусматривающие специальные упрощенные процедуры для рассмотрения дел о защите цифровых прав, в частности, о неправомерной блокировке контента или аккаунта.

Целесообразно ввести предварительные обеспечительные меры в форме обязывания информационного посредника восстановить доступ к контенту или аккаунту на время рассмотрения спора при наличии очевидных признаков нарушения прав заявителя (аналогично ст. 144.1 АПК РФ в спорах в сети Интернет). Это позволит оперативно минимизировать необратимый вред, причиняемый блокировкой (например, для бизнес-аккаунта или канала СМИ), и восстановить баланс процессуальных возможностей сторон.

Проведенное исследование не исчерпывает всей проблематики, связанной с правовым регулированием в цифровую эпоху. Перспективными направлениями для дальнейших научных изысканий видятся: развитие концепции цифрового конституционализма, детальная проработка правового режима данных, включая вопросы права собственности на агрегированные и обезличенные данные, а также формирование международно-правовых механизмов разрешения трансграничных цифровых споров. Однако уже сейчас очевидно, что построение справедливого и безопасного цифрового будущего возможно только на прочном фундаменте права, способного гарантировать незыблемость человеческого достоинства и свободы в условиях непрерывной технологической революции.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что законодательство, требует дальнейшего совершенствования и дополнения. Считаем, что данная работа будет иметь важное значение в правоприменительной деятельности, а также для последующих научных исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный текст Конституции РФ опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации http://pravo.gov.ru, 06.10.2022.

2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. № 1. – Ст. 1.

3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // Российская газета. – 1994. – № 238.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Российская газета. – № 256. – 31.12.2001.

8. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 01.05.2019 N 90-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 18. – Ст. 2214.

9. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 374-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 28. – Ст. 4558.

10. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 N 375-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 28. – Ст. 4559.

11. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 N 161-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 27. – Ст. 3872.

12. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.

14. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.

15. Указ Президента РФ от 03.07.2020 N 445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками» // Российская газета. – 04.07.2020. – № 144.

16. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

17. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. – 2017. – № 297.

19. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.08.2014 № 18-КГ14-69. - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=cQXTTcT4yMvsi0xX1&cacheid=34A496797B4AD680C5480C504C416828&mode=splus&rnd=XtUTTcTJdjL2Bh81&base=ARB&n=406963#RXKgTcT6hIwecN5a (дата обращения 10.04 2025).

20. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023) // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: http://www.supcourt.ru/document/practice/year=2023 (дата обращения: 29.04.2025).

21. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2022) // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/docume№ts/practice/31943/ (дата обращения: 12.04.2025).

22. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Документ прекратил действие в отношении России с 16 марта 2022 года (Федеральный закон от 28.02.2023 N 43-ФЗ).

23. Федеральный закон от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 8. – Ст. 609.

24. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень международных договоров. – № 1. – 01.03.1993. – ст. № 3.

25. Directive 95/46/EC of the European parliament and of the council of 24 October 1995 on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data // Официальный журнал. – № L 281. – 23.11.1995. – стр. 31.

Учебная и научная литература

26. Баглай М. В. Гражданское право: учеб. пособие / М. В. Баглай. - М.: Норма-Инфра, 2018. – 518 с.

27. Власенко, Н. А. Современное российское государство: очерки / Н. А. Власенко. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 152 с.

28. Глобализация и правовая система России: Основные направления развития /Е. Г. Лукьянова. - М.: Норма, 2021. – 198 с.

29. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений / В. В. Ершов - М.: РГУП, 2018. – 628 с.

30. Захаров А. Л. Принципы права / А. Л. Захаров - Самара: Офорт, 2017. – 296 с.

31. Костенко К.Б. Ответственность информационных посредников в российском и зарубежном праве: сравнительный анализ тенденций // Вестник гражданского процесса. – 2025. – № 1. – С. 89.

32. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. - СПб.: Лань, 2022. – 383 с.

33. Марьина Е. В. Судебная система Российской Федерации: учебное пособие / Е. В. Марьина. – Самара: Издательство Самарского университета, 2020. – 144 с.

34. Поляков А.В. Электронные доказательства в судебной защите цифровых прав // Закон. – 2025. – № 1. – С. 114-119.

35. Резер Т. М. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина: учеб. пособие / Т. М. Резер. – Екатеринбург, 2019. – 110 с.

36. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П. П. Серков, В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев [и др.]; отв. ред. В. В. Лазарев, Х. И. Гаджиев. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2023. – 344 с.

37. Судебная практика в современной правовой системе России / Т. Я. Хабриева и др. - М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 238 с.

38. Титова, Н.К. Основные способы (виды) защиты прав человека и гражданина в российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 8. – 175 с.

39. Треушников М.К. Судебные доказательства. - М.: Городец, 2016. – 304 с.

40. Шумилов В. М. Правоведение: учебник / В. М. Шумилов. – М.: ТК Велби: Проспект, 2013. – 272 с.

41. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 6 марта 1997 г. «Порядок во власти - порядок в стране (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)» // Российская газета. – 1997.

Публикации в научных журналах, сборниках и СМИ

42. Аболонин, Г. О. О судебной системе США / Г. О. Аболонин. - Текст непосредственный // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 1. – С. 153-175.

43. Агамагомедова М.М. Проблемы определения юрисдикции в трансграничных цифровых отношениях // Российский юридический журнал. - 2024. – № 2. – С. 72-77.

44. Белая Т. Н. Защита прав и свобод граждан судами субъектов Российской Федерации // Научный журнал. – 2017. – № 7. – С. 34 - 36.

45. Бурков С.А. Трансформация роли государственных органов в регулировании цифровой экономики: от надзора к управлению экосистемой // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 3. – С. 78-83.

46. Геращенко И.Н. Публичный субъект: некоторые проблемы определения понятия // Экономика, управление и право. – 2011. – № 3. – С. 175-180.

47. Григорьев А.С. Правовое регулирование цифрового пространства в России: эволюция парадигм // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 2. – С. 120-127.

48. Гук П. А. Судебная практика как средство обеспечения определенности правоприменения // Российская юстиция. – 2020. – № 9. – С. 36 - 37.

49. Исаков В.Б. О перспективах кодификации цифрового законодательства в России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 3. – С. 67-71.

50. Кательников М. Г. Право на судебную защиту: понятие и сущность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2016. – №8. – С. 247 – 249.

51. Кравченко В.В. Персональные данные в эпоху искусственного интеллекта: новые вызовы для концепции конфиденциальности // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 6. – С. 93-98.

52. Кудрявцева Е.В., Смольников Д.И. Роль суда в процессе доказывания в свете судебной реформы в гражданском судопроизводстве // Закон. – 2019. – № 4. – С. 104-113.

53. Лисицын-Светланов А.Г. Свобода слова в интернете и ответственность информационных посредников: поиск баланса // Закон. – 2024. – № 5. – С. 78.

54. Мецгер, А.А. Понятие и общая характеристика конституционного права на свободу и личную неприкосновенность // Государственная служба и кадры. – 2019. – № 4. – С. 48 - 55.

55. Мочалов А.Н. Об учреждении в России должности Уполномоченного по защите прав человека в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2 (68). – С. 27-39.

56. Муранов А. И., Давыденко Д. Л. Вопросы признания и (или) приведения в исполнение иностранных решений в России // Корпоративный юрист. – 2007. – № 3. – С. 42-46.

57. Нарижний С.В. Судебная практика как источник правового регулирования цифровых отношений: проблемы систематизации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 5. – С. 29-34.

58. Синюков В.Н. Искусственный интеллект и право на приватность: новые грани старого конфликта // Право и цифровая экономика. – 2024. – № 3. – С. 15.

59. Синюкова Т. В. Юридические гарантии как метод регулирования правового положения личности // Вопросы теории государства и права: межвузовский сб. науч. раб. Саратов. – 1991. – №9. – С. 150 - 153.

60. Снежко О. А. Право на судебную защиту в свете российской правовой ментальности // Гражданин и право. – 2018. – № 6. – С. 9 - 12.

61. Сюбарева Е.И. Генезис цифровых прав человека в российском законодательстве: от информационной безопасности к цифровому

суверенитету // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2024. – № 1. – С. 58-60.

62. Трыканова Е.В. Перспективы создания института уполномоченного по цифровым правам в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. – № 5. – С. 50-55.

63. Степанов О.А., Печегин Д.А., Дьяконова М.О. К вопросу о цифровизации судебной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 5. – С. 4-23.

64. Шевелёв А.А. Влияние практики Европейского Суда по правам человека на российское законодательство в цифровой сфере: пределы и возможности // Международное правосудие. – 2024. – № 1 (53). – С. 45-51.

65. Шерстобоев О.Н., Михеева И.В. Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1. – С. 178-195.

66. Якушев М.А. Системность законодательства о цифровых технологиях: проблемы и пути достижения // Журнал российского права. – 2024. – № 10. – С. 34-37.

Иностранная литература

67. Aschauer D. A. Is Public Expenditure Productive? // Journal of Monetary Economics. – 1989. – № 23. – P. 177-200.

Источники на электронных носителях

68. Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по

интеллектуальным правам» [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/446365-5 (дата обращения: 23.10.2024).

69. Замечание общего порядка № 34, CCPR/C/GC/34, 12 сентября 2011 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/comments.htm (дата обращения: 01.11.2025)

70. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&collection=1&nd=203000250&page=1&rdk=0&link_id=56#I0 (дата обращения: 01.11.2025)